UX
1907
Кам

...ская Библіотека".
№ 4-й.

805.
П 31

Проф. Л. Камаровскій.

ВОЙНА или МИРЪ?

ИЗДАНІЕ
Г. Бейленсона и І. Юровскаго.

Цѣна 15 коп.

ОДЕССА.
Типографія Исаковича, уг. Дерибас. и Гаван. ул., с. д., № 10.
1895.

Русская Библіотека.

№ 4.

ВОЙНА или МИРЪ?

Графа Л. КАМАРОВСКАГО.

ОДЕССА.
Тип. Исаковича, уг. Гаванной и Дерибасовской, с. д., № 10.
1895.

Пров 38

БИБЛИОТЕКА
КОНСТАНТИНОВСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1179
27

Дозволено цензурою.—Одесса, 18 февраля 1895 г.

Война или миръ? [1])

I. Противорѣчія, возникающія насчетъ этого вопроса.—II. Война и прежнее общество.—III. Война и современное общество.—IV. Главныя причины войны въ наше время.—V. Ихъ устранимость съ точки зрѣнія международнаго права.—VI. Успѣхи идеи мира въ современномъ обществѣ.

Кто изъ насъ не предлагаетъ себѣ этого мучительнаго вопроса каждый разъ, когда задумывается надъ общественными дѣлами? Если, съ одной стороны, *потребность въ мирѣ* сознается всѣми, какъ одна изъ наиболѣе существенныхъ въ наши дни для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, то съ другой, угроза войны вотъ ужъ сколько лѣтъ виситъ настоящимъ Дамокловымъ мечомъ постоянно надъ нашими головами и парализуетъ всѣ правильныя функціи общественной жизни.

Возникающіе отсюда неувѣренность въ настоящемъ, страхъ за будущее и безчисленныя противорѣчія, въ теоріи и жизни, заслуживаютъ поистинѣ вниманія каждаго серьезнаго ума.

I.

Безспорно, идея мира дѣлаетъ въ современномъ обществѣ хотя медленные, но постоянные успѣхи. Правители народовъ громко заявляютъ о рѣшимости своей

[1]) Публичная лекція, читанная 15 января 1892 г. въ Москвѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

ее оберегать; чаще, чѣмъ когда-либо, о ея пользѣ и благихъ сторонахъ раздаются голоса въ политическихъ собраніяхъ, съ церковныхъ каѳедръ, въ ученыхъ сочиненіяхъ и на народныхъ собраніяхъ. Рядомъ съ этимъ начинаетъ постепенно меркнуть унаслѣдованный нами отъ предковъ культъ войны. Этому содѣйствуетъ отчасти критическій, во всемъ пытливый, духъ, времени, отчасти самый характеръ войны, такъ глубоко преобразившейся за послѣднее время и по способу ея веденія, и по послѣдствіямъ, ею оставляемымъ. Даровитые писатели съ разныхъ сторонъ все чаще и чаще изображаютъ намъ нынѣ *реальность войны*, т. е. ея природу, и такою, какъ она представляется въ дѣйствительности, а не черезъ призму смутной фантазіи; и эта реальность, наполняя насъ ужасомъ, заставляетъ все рѣшительнѣе задумываться надъ средствами если не уничтоженія, то сокращенія этого великаго зла для человѣчества. Но можно-ли разсчитывать на практическій успѣхъ такихъ думъ и желаній, пока *дѣйствія* людей, и громаднаго еще большинства людей, будутъ работать въ противоположномъ этому направленіи? Всѣ желаютъ, говорятъ намъ, мира и безпрестанно толкуютъ объ его необходимости. Прекрасно; но однихъ пожеланій недостаточно. Что мы видимъ въ дѣйствительности? Правительства Европы другъ передъ другомъ соперничаютъ въ томъ, чтобы поставить на ноги возможно многочисленнѣйшія арміи; человѣческій умъ направляетъ всю свою изобрѣтательность, чтобы сдѣлать орудія смерти какъ можно болѣе истребительными по быстротѣ, дальности и силѣ ихъ дѣйствія. Всюду въ пограничныхъ областяхъ стягиваются усилен-

но войска, увеличиваются крѣпости и стратегическіе пути. Въ воздухѣ какъ бы слышится запахъ пороха, и что удивительнаго, при этихъ условіяхъ, что, вопреки всѣмъ завѣреніямъ о мирѣ, приходится сознаться, что доселѣ сношенія между государствами проникнуты взаимными недовѣріями и враждою. Можно ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться на ослабленіе современемъ этого кореннаго препятствія къ утвержденію мира? Думаемъ, что да. Но придти къ этой цѣли можно либо черезъ новый, длинный рядъ потрясеній и войнъ, либо путемъ серьезно обдуманныхъ и своевременно проведенныхъ реформъ въ международной области. Послѣдній путь болѣе всего соотвѣтствуетъ интересамъ и человѣколюбія, и науки, и на немъ мнѣ хотѣлось бы остановить хотя нѣсколько ваше вниманіе.

II.

Многочисленны и разнообразны доводы защитниковъ и противниковъ войны, но тѣ и другіе часто упускаютъ изъ вида одно, весьма важное, обстоятельство: то различіе, которое представляетъ война для прежняго и для современнаго общества. Будучи достояніемъ варварства, т. е. наиболѣе грубаго животнаго состоянія людей, война въ продолженіе тысячелѣтій была для нихъ необходима и, при тогдашнихъ условіяхъ, законна. Нашу мѣрку нравственной или умственной оцѣнки никакъ не слѣдуетъ прилагать къ эпохамъ прошлаго. Первоначальное проявленіе войны можно видѣть въ государственномъ быту, когда люди, стоя еще на самомъ низкомъ уровнѣ своего развитія, силою добывали себѣ средства къ существованію, жили не трудомъ, а грабежомъ и разбо-

емъ, и видѣли, не безъ основанія, врага во всякомъ, кто не принадлежалъ къ ихъ семьѣ, роду или иному первоначальному ихъ общественному соединенію.

Когда возникли первыя государства на Востокѣ и, позднѣе, въ Греціи и Италіи, они должны были, при всемъ различіи отличавшихъ ихъ принциповъ и формъ политической жизни, видѣть въ войнѣ главное основаніе своего возникновенія и дальнѣйшаго существованія. Первый интересъ каждаго общества —безопасность; безъ этого условія немыслимо достиженіе никакихъ иныхъ цѣлей и благъ. Но охранителемъ безопасности являлась всегда, главнымъ образомъ, военная сила, и вотъ почему ей съ давнихъ временъ стали отводить въ государствѣ первенствующее и рѣшающее мѣсто. Древнія государства, возникая среди безчисленныхъ затрудненій и окруженныя со всѣхъ сторонъ врагами, всегда готовыми на нихъ напасть и стереть ихъ съ лица земли, представляли собою какъ бы небольшія острова зарождавшейся культуры среди великаго океана варварства. Да и сами эти государства жили въ полномъ разобщеніи другъ отъ друга въ территоріальномъ отношеніи, и вслѣдствіе различія ихъ культурныхъ основъ и переживаемыхъ ими, въ одно и то же данное время, возрастовъ ихъ историческаго бытія. Какъ же тутъ войнѣ не было быть закономъ ихъ существованія? Не могъ миръ быть достояніемъ и среднихъ вѣковъ: сперва страшное передвиженіе и переселеніе племенъ, устремившихся на дѣлежъ Римской имперіи, затѣмъ установленіе феодальнаго общества на частно-правовыхъ основахъ съ прикрѣпленіемъ сельскаго класса къ землѣ, съ глубокою рознью ме-

жду сословіями и съ религіозною нетерпимостью, переходившею часто въ фанатизмъ. Средневѣковое общество, чуждое идеѣ государства, какъ самостоятельнаго и правильно-организованнаго политическаго союза, не знало, прежде всего, внутренняго мира: повсюду свирѣпствовали тогда частныя войны и кулачная расправа. Только рыцари нѣсколько облагораживали свое военное ремесло.

Водвореніе земскаго мира совпадаетъ съ моментомъ образованія новыхъ государствъ. Они складываются въ неограниченныя монархіи подъ крѣпкою рукой „собирателей“ земли, почти одновременно выступившихъ на политической аренѣ Европы.

Между этими неограниченными монархами также кипѣла почти вѣчная война, но по другимъ причинамъ: ослѣпленные полновластіемъ почти божественнымъ, они, въ сущности, не признавали никакихъ правъ ни за своими подданными, ни за другими народами. Громадное большинство этихъ войнъ носитъ характеръ личный и династическій. Въ трудахъ Макіавелли и Гоббеса указаны принципы и цѣли этой политики, ослѣплявшей иногда своими успѣхами массы, но, въ сущности, бездушной и безнравственной.

III.

Глубоко измѣнилось положеніе и значеніе войны въ современномъ обществѣ. Все оно проникнуто идеею подчиненія и служенія грубой силы—закону. Въ этомъ лежитъ наиболѣе характерная черта государства правоваго. Подъ вліяніемъ Гроція возникла и стала распространяться мысль, что существуетъ право, независимое отъ произвола государства и сто-

ящее выше его. Нормы этого права и должны управлять народами, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а не одни только насилія и своекорыстные интересы, какъ было до этого. Такъ возникло международное право, сперва перемѣшанное съ правомъ естественнымъ, но потомъ успѣвшее сложиться въ самостоятельную и богатую науку. Нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ преобладаютъ насчетъ ея самыя смутныя и невѣрныя представленія. Менѣе всего можно ее отождествлять съ дипломатіею. Одна изъ ея главныхъ цѣлей—указать войнѣ подобающее ей мѣсто и значеніе.

Какъ бы то ни было, но, благодаря успѣхамъ международнаго права и политическихъ наукъ вообще, съ одной стороны, а съ другой,—благодаря преобразованіямъ военнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ, для человѣческаго ума выступила болѣе ясно настоящая природа войны. Прежде всего, онъ понялъ, что будучи проявленіемъ общественной жизни человѣка, война не можетъ считаться чѣмъ то изъ начала вѣковъ неизмѣннымъ и роковымъ: она, напротивъ, видоизмѣняется по своему характеру и цѣлямъ, вмѣстѣ со всѣми другими условіями той общественной среды, которыя ее порождаютъ. Если война всегда оказывала извѣстное воздѣйствіе, то благотворное, то разрушительное, на общественный строй народовъ, то, съ другой стороны, недостатки послѣдняго болѣе всего питали ее, наравнѣ съ революціями и иными насильственными формами якобы улучшенія человѣческихъ порядковъ.

Отъ каждаго критическаго и безпристрастнаго ума не можетъ укрыться та истина, что чѣмъ выше

подымается уровень нравственнаго и умственнаго развитія человѣчества, совершеннѣе въ смыслѣ свободы и прочности слагается организація государствъ, тѣмъ въ большее противорѣчіе со всѣмъ этимъ становится война. Особенно вопіющимъ, рѣзкимъ диссонансомъ является она въ наше время среди общества, столь высоко стоящаго по своей культурѣ, да еще желающаго именоваться христіанскимъ. И, силою вещей, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе этотъ диссонансъ будетъ рѣжущимъ и охватитъ онъ все болѣе многочисленные слои населенія. Иначе и быть не можетъ, ибо сама, такъ сказать, логика войны, въ ея послѣдовательномъ раскрытіи, приведетъ ее къ самоотрицанію и абсурду.

Кто не можетъ замѣтить, что уже теперь большею частью между войною и причинами, которыми ее хотятъ оправдать, не существуетъ никакого соотвѣтствія? Серьезныя разногласія между государствами, вызвавшія войну, напр., въ нашемъ столѣтіи, были бы, конечно, рѣшены основательнѣе и справедливѣе безъ меча и крови. Правда, на это потребовалось бы гораздо болѣе времени, болѣе работы, проницательности отъ дипломатовъ, а особенно болѣе безпристрастія и уваженія къ чужому праву отъ насъ всѣхъ. Но быстрое разсѣченіе гордіевыхъ узловъ мечомъ есть ли въ самомъ дѣлѣ прочное и плодотворное рѣшеніе общественныхъ задачъ, назрѣвающихъ въ наши дни?

Войны часто прикрываются предлогами, которые съ ними ничего не имѣютъ общаго, и на это должна обращать вниманіе наука. Громадное число споровъ и недоразумѣній между государствами рѣшается удоб-

нѣе и справедливѣе мирными способами, нежели войною. Указать на все это, выработать возможно совершенные способы мирнаго окончанія столкновеній между народами, наконецъ, болѣе и болѣе сократить область примѣненія войны—такова высокочеловѣческая миссія международнаго права.

Но, возразятъ многіе, сколько бы ни хлопотали филантропы и идеалисты, останутся, все таки, извѣстныя причины—интересы самосохраненія, потребность внутренней и внѣшней свободы, возможность дальнѣйшаго развитія и т. п., которыя будутъ заставлять народы и впредь обращаться къ оружію. Не будемъ забѣгать въ будущее: если даже человѣку не дано совершенно устранить извѣстное зло, то бороться съ нимъ всегда и всѣми силами есть его первый долгъ и главный залогъ дальнѣйшаго его собственнаго усовершенствованія. А сама война, какъ она сложилась въ наши дни, даетъ противъ себя сильнѣйшее оружіе. Это привлеченіе почти всего мужскаго населенія въ ряды войска, эти массовыя избіенія людей въ сраженіяхъ и такая же гибель ихъ послѣ битвъ, эти всеразоряющіе расходы на милитаризмъ должны же рано или поздно вызвать въ людяхъ сильную и общую противъ себя реакцію. Неизбѣжно у каждаго напрашиваются вопросы: ради чего эта пагуба жизней и капиталовъ? Какіе интересы такъ глубоко разъединяютъ народы Европы и заставляютъ ихъ такъ смертельно ненавидѣть другъ друга?

Сказать правду, такихъ интересовъ и причинъ не существуетъ, но они либо искусственно создаются, либо чрезмѣрно раздуваются.

Нельзя не согласиться въ этомъ отношеніи съ доводами г-жи фонъ-Суттнеръ. Въ своемъ романѣ Die Waffen nieder, который есть и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ *Противъ войны*, авторъ проводитъ, между прочимъ, ту главную мысль, что въ наши дни задержка общественнаго прогресса лежитъ не столько въ самой войнѣ, сколько въ склонности къ ней. А эта склонность прививается юношеству ходячимъ преподаваніемъ исторіи. Оно искусственно выдвигаетъ однѣ свѣтлыя стороны войны и опускаетъ темныя. Отсюда главный источникъ поклоненія ей. Но кто разъ видѣлъ ее въ дѣйствительности, тотъ уже не можетъ не гремѣть противъ нея неустанно.

Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія: фонъ-Суттнеръ описываетъ съ большою живостью и правдивостью событія и впечатлѣнія войнъ 1859, 64, 66 и 70 годовъ, которыя она не только видѣла, но и выстрадала на себѣ самой и на участи близкихъ ей лицъ.

Отмѣтимъ еще одну вполнѣ вѣрную ея мысль: всякая война, каковъ бы ни былъ результатъ ея, содержитъ въ себѣ зародыши новой войны. Это весьма естественно: насиліе всегда попираетъ чье нибудь право, о которомъ рано или поздно заявляется, возбуждается новый споръ, который опять разрѣшается насиліемъ, и такъ идетъ далѣе до безконечности. Авторъ хорошо группируетъ наиболѣе распространенные и устарѣлые доводы въ пользу войны и старается ихъ разъяснить и опровергнуть. Нельзя не воздать ей хвалу за этотъ трудъ: подобныя сочиненія, взятыя изъ жизни, болѣе всего способны

разсѣять туманъ и предубѣжденія, такъ густо окутывающія еще въ умахъ людей самое понятіе о войнѣ. Особенно женщины призваны принять участіе въ такомъ походѣ противъ войны.

IV.

Но однихъ общихъ разсужденій о войнѣ недостаточно; необходимо обратить вниманіе на тѣ внутреннія и настоящія причины, которыя, независимо отъ предлоговъ, случайно выставляемыхъ, дѣйствительно поддерживаютъ въ наше время болѣе или менѣе сильную вражду между народами. Въ этихъ причинахъ все дѣло, но, само собою разумѣется, мы можемъ здѣсь коснуться только главныхъ изъ нихъ.

По характеру своему ихъ удобно раздѣлить на двѣ группы: причины общія, болѣе или менѣе лежащія въ духовной политической атмосферѣ нашего времени и поэтому присущія, хотя въ различной степени, всѣмъ государствамъ, и причины частныя, заставляющія враждовать между собою лишь нѣкоторыя державы Европы.

Начнемъ съ послѣднихъ. Къ нимъ болѣе всего относятся вопросы объ Эльзасъ-Лотарингіи и восточный. Первый прорылъ пропасть ненависти между Франціей и Германіей; второй постоянно питаетъ глухой, но сильный антагонизмъ между Россіей и Австріей, съ одной стороны, между Россіей и Англіей— съ другой. Существуютъ, конечно, другія причины раздоровъ, но онѣ, сравнительно съ названными, второстепеннаго характера и сами питаются и размножаются благодаря только этимъ главнымъ причинамъ несогласія. Оба указанные нами вопроса не могутъ

быть рѣшены наиболѣе удовлетворительно ни мечомъ, ни путемъ установившейся нынѣ въ Европѣ политической констелляціи.

Въ интересахъ не только общихъ, но и, прежде всего, самой Германіи, должно жалѣть, что объединеніе ея совершилось благодаря политикѣ „желѣза и крови". Съ тѣхъ поръ утвердился въ центрѣ Европы громадный вооруженный лагерь. Но была сдѣлана другая, еще большая ошибка: у Франціи отторгнуты двѣ изъ лучшихъ ея областей. Для оправданія этого насилія говорили, что онѣ прежде когда-то принадлежали Германіи и что послѣдней необходимо-же было добиться военныхъ гарантій противъ новыхъ нападеній со стороны ея безпокойной зарейнской сосѣдки. Но, во-первыхъ, области эти уже примирились тогда со своею участью принадлежать Франціи; во-вторыхъ, миръ въ настоящемъ и будущемъ никогда не удастся обезпечить, если вѣчно озираться на прошлое и прежнимъ ненавистямъ давать все новую и новую пищу, и, въ третьихъ, Страсбургъ и Мецъ въ рукахъ Германіи оказались не гарантіей мира, а военной угрозой. Франція съ тѣхъ поръ задалась мыслью объ отмщеніи (revanche). Предположимъ, что въ новой войнѣ она отвоюетъ у своего противника вѣчно дорогія ей Эльзасъ и Лотарингію. Тогда очередь отместки переходитъ къ Германіи. Итакъ, отъ насилія къ насиліямъ. Неужели это путь желанный, единственно возможный для рѣшенія подобныхъ споровъ въ наше время и среди цивилизованныхъ народовъ? Мы уже не говоримъ о самихъ спорныхъ областяхъ: неужели имъ всегда быть предметомъ и театромъ

войнъ между двумя передовыми народами Европы? Пока этотъ вопросъ не рѣшенъ окончательно и безпристрастно, миру нельзя утвердиться.

То-же должно сказать и о другой главной, изъ частныхъ, причинъ войны: о вопросѣ восточномъ. Но онъ такъ сложенъ и запутанъ, что почти уже изъ частнаго переходитъ въ обще-европейскій. Въ сущности онъ означаетъ вопросъ о распаденіи Турціи и о замѣнѣ ея новыми, христіанскими государствами. Турція уже давно и безповоротно обречена на погибель: въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, турки всегда составляли не болѣе, какъ враждебный лагерь азіатскихъ завоевателей, расположившихся среди балканскихъ племенъ. Если Турція все еще влачитъ свое жалкое существованіе, то только благодаря кознямъ и поддержкѣ европейской-же дипломатіи. Болѣе всего рѣшенію этого вопроса препятствуютъ два, равно печальныя обстоятельства: враждебно сталкивающіеся на Балканахъ политическіе интересы и воззрѣнія великихъ державъ, глубокая рознь, даже прямая вражда между христіанскими племенами, только что начинающими тамъ пробуждаться къ самостоятельной жизни*). Всѣ они мечтаютъ о призрачномъ, давно исчезнувшемъ величіи прошлаго: о великихъ Греціи, Сербіи, Болгаріи, и каждое, стремясь возвеличить только себя насчетъ всѣхъ остальныхъ братій по крови, религіи и многовѣковому закрѣпощенію, работаетъ, въ сущности, на руку враговъ.

Впрочемъ, они, по своей слабости и политической незрѣлости, болѣе заслуживаютъ извиненія, не-

*) Тамъ враждуютъ между собою: эллинизмъ и славянство, православіе и католицизмъ, сербы и болгары.

жели великія державы. Пока послѣднія будутъ и тамъ проводить только исключительно свои эгоистическіе интересы, придется имъ обращаться, къ общему несчастью, только къ мечу. Это вызоветъ между ними не одну, а многія войны, которыя пагубно отразятся на строѣ всей остальной Европы. Россіи приписываютъ намѣреніе завладѣть Константинополемъ и проливами; Австрія, говорятъ, хочетъ проникнуть до Салоникъ; Италія мечтаетъ о присоединеніи къ себѣ всего Адріатическаго побережья съ Албаніей включительно; Англія, трепеща за Индію, поддерживаетъ Турцію еще, кромѣ того, чтобы имѣть тамъ обширный свободный рынокъ для своихъ товаровъ, который непремѣнно закроется, если перейдетъ въ руки Россіи.

Съ точки зрѣнія этихъ вожделѣній и предразсудковъ, какой-же возможенъ миръ? Да и зачѣмъ о немъ толковать? Если желать мира серьезно, надо стать, очевидно, на совсѣмъ иную почву, да и дать многострадальнымъ балканскимъ племенамъ, наконецъ, возможность пожить по своему, не справляясь о томъ, какъ взглянутъ на это въ той или иной изъ европейскихъ столицъ. Авторитетъ свой Европа должна тутъ проявить не въ насильственной надъ ними опекѣ, не въ натравливаніи однихъ изъ нихъ на другихъ, а въ содѣйствіи имъ своими совѣтами къ мирному размежеванію и къ введенію такого политическаго строя, который дѣйствительно соотвѣтствовалъ-бы ихъ современнымъ національнымъ потребностямъ.

Восточный вопросъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ, касается, кромѣ того, Малой Азіи, Палестины,

и африканскихъ побережій Средиземнаго моря*). Но участь этихъ странъ будетъ рѣшить легче, разъ европейскія державы покончатъ съ Балканскимъ полуостровомъ.

Причины общія, къ которымъ мы теперь обращаемся, отличаются отъ частныхъ собственно двумя чертами: онѣ, какъ сказано, кроются въ самой атмосферѣ, окутывающей почти всѣ современныя государства, и, кромѣ того, онѣ прямо и непосредственно не ведутъ къ войнѣ, которая, вѣроятно, будетъ предпринята изъ-за разныхъ иныхъ предлоговъ, но онѣ болѣе всего подготовляютъ для нея почву. Тѣмъ труднѣе ихъ узнать и устранить, но съ нихъ должно начать, если серьезно заботиться объ упроченіи мира.

Съ этой точки зрѣнія ему болѣе всего угрожаютъ: одностороннее и суровое проведеніе государствами въ своей внутренней жизни принципа національности, а въ сферѣ экономической—протекціонизма; низкій уровень политической нравственности; чрезмѣрный, все болѣе и болѣе разростающійся милитаризмъ.

Въ принципѣ національности лежитъ много симпатичнаго и плодотворнаго, поскольку онъ пробуждаетъ народы къ независимости отъ внѣшнихъ враговъ и къ самостоятельности ихъ собственной культуры; но искусственныя и насильственныя мѣры, которыя нерѣдко хотятъ имъ прикрыть, въ одинаковой степени угрожаютъ, какъ

*) Занятіе Англіей Египта испортило ея отношенія къ Франціи, а установленіе Франціей протектората надъ Тунисомъ вызвало охлажденіе между нею и Италіею.

внѣшнему, такъ и внутреннему миру государствъ. Черезъ мѣру усердные націоналисты сѣютъ между народами Европы недовѣріе и вражду и хотѣли-бы возвести эти чувства, какъ это было въ язы[illegible] мірѣ, въ основной законъ внѣшнихъ сношеній государствъ. Привѣтствуя всякія стѣснительныя мѣры противъ иноплеменниковъ у себя дома, они возмущаются такими-же дѣйствіями, направляемыми противъ ихъ національности чужими правительствами на ихъ территоріяхъ. Отсюда вѣчныя жалобы и ѣдкія обоюдныя обвиненія и заподозриванія. Никто не хочетъ уступить, но всѣ, стремясь къ возможно большей послѣдовательности въ этой односторонней политикѣ, требуютъ, чтобы сосѣди признали законность только ихъ претензій, и для этого стараются оживить идеалы прошлаго, возстановить раціональныя границы, давно стертыя съ лица земли исторіей, и забываютъ, что при такихъ условіяхъ невозможно установить, особенно въ наше время, мирное и справедливое сожитіе народовъ.

Этимъ оживленіемъ національныхъ антипатій объяснятся, главнымъ образомъ, усиленіе нетерпимости, которое мы замѣчаемъ нынѣ почти всюду не только въ области политической, но даже религіозной.

Рука объ руку съ этимъ движеніемъ идетъ другое, стоящее съ нимъ во внутреннемъ сродствѣ: мы говоримъ объ усиленіи охранительной экономической политики государствъ. Высокими, чуть не запретительными тарифами они хотятъ поднять и развить собственную національную промышленность и оградить себя, насколько возможно, отъ наплыва иностранныхъ рабочихъ и товаровъ.

Господствовавшая было нѣкоторое время въ Европѣ система торговыхъ договоровъ и предоставлявшаяся ими иностранцамъ свобода поселенія и передвиженія признаются теперь вредными на томъ основаніи, что ставятъ національную промышленность и торговлю въ зависимость отъ иностранной и тѣмъ подрѣзываютъ будто-бы самыя ихъ жизненныя артеріи. Во главѣ этого движенія мы видимъ особенно Россію, Францію и Соединенные Штаты. Послѣдніе даже помышляютъ о полномъ экономическомъ изолированіи американскаго материка отъ Европы, правда, въ тѣхъ видахъ, чтобы поработить его собственнымъ своимъ экономическимъ принципамъ. Тѣмъ страннѣе представляются намъ воззванія вашингтонскаго правительства къ Европѣ объ участіи на затѣваемой имъ всемірной выставкѣ въ Чикаго. Такія празднества совершенно уже не вяжутся съ исключительностью протекціонизма. Правда, многіе утверждаютъ, что экономическая война не подрываетъ между народами политическаго мира, но не трудно замѣтить весь софизмъ подобнаго увѣренія: экономическая борьба, достигая извѣстной напряженности, легко ведетъ къ такой натянутости и въ политической области, при которой достаточно незначительныхъ предлоговъ, чтобы перейти ей въ открытую вражду и ненависть. Охрана національнаго труда для каждаго государства, конечно, необходима, но и эту задачу надо понимать въ широкомъ общечеловѣческомъ смыслѣ.

Если уровень политической нравственности, вообще говоря, въ наши дни очень невысокъ по отношенію къ внутренней жизни государствъ, то, къ сожалѣнію, еще болѣе приходится это признать въ дѣ-

лахъ политики внѣшней. Какія насилія и обманы не считаются, наприм., дозволенными противъ врага во время войны?! Люди, вполнѣ образованные и нравственные въ своей частной жизни, все еще полагаютъ, что во внѣшней политикѣ долженъ господствовать тотъ бездушный макіавелизмъ, въ силу котораго цѣль будто бы способна оправдать всякія средства, лишь-бы они примѣнялись рѣшительно и съ успѣхомъ. Особенно періодическая печать много виновата въ томъ, что нерѣдко тенденціозно и въ невѣрномъ свѣтѣ изображаетъ политическія лица и событія, раздуваетъ искры національной антипатіи или существующаго несогласія и своими страстными выходками мутитъ общественное мнѣніе и сбиваетъ его съ прямой и настоящей дороги къ уразумѣнію права и правды. Воинствующіе публицисты считаютъ за долгъ патріотизма обѣлять все свое и бросать тѣнь на все чужое или на то, что почему-либо не подходитъ подъ собственный ихъ уголъ зрѣнія. Нерѣдко газеты и политическія партіи своимъ задоромъ увлекаютъ правительства, желающія мира, на опасный путь различныхъ крутыхъ мѣръ и даже войны. Печать должна въ цѣломъ гораздо болѣе, нежели она дѣлаетъ это до сихъ поръ, служить идеямъ мира и справедливости и въ международной сферѣ, а это немыслимо безъ возвышенія всего нравственнаго уровня въ населеніяхъ.

Указанныя причины, поддерживая между народами Европы постоянное недовѣріе и вражду, въ свою очередь, вызываютъ къ жизни милитаризмъ, это главное препятствіе къ введенію прочнаго и плодотворнаго мира. Въ мирное время европейскія

государства содержатъ подъ ружьемъ почти 3 милліона человѣкъ. Эта цифра можетъ быть доведена, во время войны, до 8,266,000. Военные расходы всей Европы поглощаютъ 5 милліардовъ франковъ ежегодно, причемъ на долю шести великихъ державъ приходится 4,100,000,000 франковъ. По величинѣ этихъ затратъ (на армію и флотъ) державы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Франція тратитъ 900 милл., Россія и Англія по 800 каждая, Австро-Венгрія 630, Германія 570 и Италія 400 милл. Эти военные расходы, постоянно увеличиваясь, поглощаютъ значительную часть доходовъ европейскихъ государствъ, заставляютъ ихъ дѣлать все новые и новые долги, и, не смотря на это, они не въ состояніи устранить въ своихъ бюджетахъ дефициты и удовлетворить множеству самыхъ неотложныхъ потребностей въ жизни своихъ народовъ.

Эти громадныя арміи сами по себѣ составляютъ для международнаго мира величайшую и постоянную угрозу. Плохо вяжутся какъ то мирные переговоры и завѣренія правительствъ съ ихъ лихорадочной дѣятельностью по части вооруженій и съ передвиженіями громадныхъ войскъ къ ихъ границамъ. Всѣ они преслѣдуютъ, по ихъ словамъ, только чисто оборонительныя цѣли: никто не думаетъ о нападеніи на сосѣда, но всѣ вооружаются такъ спѣшно и съ такимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, какъ будто мы наканунѣ всеобщей войны.

Очевидно, подобное положеніе долго продолжаться не можетъ: финансовыя соображенія, не говоря уже о другихъ обстоятельствахъ, вынудятъ менѣе выносливыхъ напасть на другихъ и вотъ вспыхнетъ война, объ

ужасахъ и истребительности которой нельзя себѣ теперь составить и приблизительнаго понятія. Самые пустые предлоги и мелкіе личные разсчеты могутъ каждый день ее вызвать и зажечь Европу изъ конца въ конецъ, но никакія серьезныя причины, нами перечисленныя и иныя, не дѣлаютъ ее ни необходимою, ни желательною. Она будетъ, хотя съ различныхъ сторонъ, великимъ бѣдствіемъ какъ для побѣжденныхъ, такъ не менѣе и для побѣдителей. Опытъ послѣднихъ войнъ, кажется, ясно доказываетъ каждому, что если мечомъ разрубились препятствія одного рода, то лишь для того только, чтобы дать мѣсто инымъ и въ цѣломъ сдѣлать политическое и экономическое положеніе Европы еще болѣе тягостнымъ и запутаннымъ.

Выше мы сказали, что миръ не можетъ быть обезпеченъ не только какими бы то ни было вооруженіями, но и установившимся теперь на политическомъ горизонтѣ Европы созвѣздіемъ. Оно поддерживаетъ миръ развѣ въ томъ только смыслѣ, что, удобнѣе размѣщая между великими державами политическую и военную мощь, тѣмъ сдерживаетъ каждую изъ нихъ отъ наступательныхъ поползновеній, но оно не устраняетъ существующія между ними недовольства и рознь; вооруженія продолжаются; всѣ нерѣшенные вопросы остаются въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи; миръ продолжаетъ все висѣть на волоскѣ и всѣ какъ будто ждутъ отъ случая рѣшенія, которое должно явиться результатомъ общихъ, дружныхъ и сознательныхъ усилій государственныхъ дѣятелей и лучшихъ умовъ нашего времени.

V.

Но, возразятъ намъ, какъ же устранить существующія между государствами причины глубокой розни мирными способами и переговорами? Если созвать для этого конференцію или даже конгрессъ, рознь эта незамедлитъ проявиться тотчасъ же и въ результатѣ о нее разобьются всѣ переговоры, и даже антагонизмъ между кабинетами лишь обострится.

Съ этимъ мы вполнѣ согласны. Придерживаясь традиціонной дипломатической рутины, правительства не достигнутъ справедливыхъ и для всѣхъ желательныхъ результатовъ. Прежде всего, имъ нужно серьезно и настойчиво хотѣть мирнаго улаженія всѣхъ раздѣляющихъ ихъ споровъ; затѣмъ, глубоко должны измѣниться принципы и пріемы, имѣющіе быть приложенными къ осуществленію этой высокой задачи. На мѣсто *интересовъ* лишь *политическихъ* каждаго конкретнаго государства,—что ведетъ къ общей враждѣ и анархіи, или же къ временнымъ и искусственнымъ компромиссамъ,—надо въ основаніе положить *начала международнаго права*, которыя, уважая независимость и самобытность народовъ, соединяютъ ихъ, какъ членовъ человѣчества, въ одно высшее и живое цѣлое. Говоря точнѣе, руководящими идеями тутъ являются: принципы справедливости, общее благо Европы, потребности и желанія самихъ спорныхъ областей.

Для отысканія и опредѣленія указанныхъ началъ, слѣдуетъ обращаться не за помощью дипломатовъ, а прислушиваться къ общественному мнѣнію, дать ему возможность высказаться съ полной откро-

венностью и привлечь къ этому дѣлу лицъ, способныхъ, по своему образованію, характеру и опытности, служить выразителями настоящихъ потребностей и юридическихъ убѣжденій народовъ въ наше время.

Болѣе всего должно бояться спѣшности и односторонности такой работы. Мы отлично сознаемъ ея громадныя трудности, но, во-первыхъ, и цѣли, ей полагаемыя, таковы, что никакихъ усилій нельзя щадить, чтобы хотя постепенно къ нимъ приблизиться; во-вторыхъ, собранія, о которыхъ мы говоримъ, не должны стѣсняться временемъ, но, привлекая въ свой составъ всѣ лучшія и живыя силы Европы, работать надъ великой проблемой укрѣпленія и распространенія мира въ извѣстной постепенности и послѣдовательности, слѣдуя опять таки указаніямъ самой жизни, но не насилуя, не опережая ея.

Отъ общаго обращаясь къ частностямъ, скажемъ, что участь Эльзасъ-Лотарингіи можно было-бы рѣшить самымъ справедливымъ и для всѣхъ безобиднымъ образомъ, признавъ обѣ эти области независимыми, нейтрализованными, и обязавъ ихъ срыть всѣ существующія у нихъ крѣпости. Или-же ихъ можно было бы соединить съ Швейцаріей, либо съ Бельгіею. Намъ говорили жители этихъ областей, что они съ восторгомъ привѣтствовали-бы такую комбинацію. Франція должна бы ее принять уже по любви своей къ Эльзасу и Лотарингіи: независимость для нихъ явится еще высшимъ благомъ, чѣмъ возвращеніе къ Франціи, да еще послѣ всѣхъ ужасовъ новой войны, и заслужили они эту независимость своими прежними долгими страда-

ніями. Германіи подобная жертва не можетъ показаться излишне тягостною: она сдѣлала бы это среди мира и не уступая угрозѣ надменнаго побѣдителя, а по желанію и для блага всей Европы и обезопасивъ себя цѣлою непрерывною полосой замиренныхъ государствъ, которыя навсегда отдѣлили бы ее отъ Франціи.

Быть можетъ на это возразятъ: подростающее тамъ поколѣніе уже мирится съ участью принадлежать Германіи и скоро сплоченіе его съ остальнымъ нѣмецкимъ его отечествомъ будетъ дѣломъ, рѣшеннымъ безповоротно.

Но надо фактъ этотъ еще констатировать, а затѣмъ тѣмъ худшая судьба готовится этимъ провинціямъ, если онѣ будутъ быстро онѣмечиваться, а Франція будетъ все питать мечты свои объ отместкѣ.

Чтобы рѣшить восточный вопросъ съ наименьшими потрясеніями, великія державы должны, какъ мы уже сказали, предоставить жизни балканскихъ племенъ ея свободное и естественное теченіе и воздержаться, съ другой стороны, отъ какихъ бы то ни было тамъ завоеваній или диктатуры, будь то въ политической или экономической формѣ. Особенно приличествуетъ эта роль Россіи, сдѣлавшей такъ много для освобожденія христіанъ Турціи. Неужели она освобождала ихъ для того, чтобы видѣть ихъ въ новомъ закрѣпощеніи у другихъ или жертвою собственныхъ ихъ раздоровъ?

Какъ они устроятся и размежуются, вопросъ другой, но, быть можетъ, федеративныя формы были-бы для нихъ и для всѣхъ другихъ наиболѣе подходящими. Тоже будущему слѣдовало-бы рѣшить вопросъ о числѣ

и границахъ такихъ федерацій. На возраженіе, что онѣ немыслимы при глубокой враждѣ между самими обитателями Балканскаго полуострова и въ виду ихъ крайней политической незрѣлости,—замѣтимъ, что единая и насчетъ ихъ согласная Европа болѣе всего была бы способна явиться ихъ твердою и мудрою руководительницей. Не дозволяя имъ другъ друга поработить или истребить, она дала бы имъ возможность постепенно воспитать себя къ болѣе высокой и самостоятельной политической жизни. И федераціи не исключаютъ переходовъ отъ грубыхъ элементарныхъ начатковъ къ организаціямъ болѣе широкимъ и совершеннымъ, но онѣ оградили бы славянъ отъ внѣшнихъ насилій и нападеній и тѣмъ дали бы имъ возможность постепенно расти и крѣпнуть внутренно.

Реформа, о которой мы говоримъ, всего дѣйствительнѣе помогла-бы дѣлу мира въ Европѣ. Она устранила бы натянутость между Россіей и Австріей, Россіею и Англіею. Для Австріи все яснѣе обозначается въ будущемъ одинъ изъ двухъ путей: или стать славянской державой, или распасться на свои составныя части. Такъ или иначе, но это должно быть дѣломъ ея внутренней политики, а не иноземныхъ вліяній и вмѣшательствъ.

Пункты же разногласія между Россіею и Англіею,[1]) Россіею и Германіею, по устраненіи восточнаго вопроса, таковы, что совершенно не требуютъ войны и вполнѣ могутъ быть рѣшены мирными переговорами.

[1]). Наиболѣе трудный изъ нихъ вопросъ о разграниченіи между ними сферъ вліянія въ средней Азіи, но и онъ теряетъ свою жгучесть, разъ восточный вопросъ въ Европѣ будетъ поставленъ на настоящій и мирный путь.

Такое-же примиряющее дѣйствіе призвано оказать международное право на начало національности и протекціонизма. Охраняя заключающееся въ нихъ здоровое ядро, оно рѣшительно осуждаетъ крайности и насилія въ дѣлѣ ихъ примѣненія. По международному праву, національности суть также личности, какъ и государства, но ихъ нельзя ни сливать, ни отождествлять. Государство, не переставая быть личностью (народомъ), однако, живетъ тѣмъ высшею духовною жизнью, чѣмъ болѣе оно восприняло въ себя разнородныхъ національныхъ элементовъ. Но это воспринятіе и постепенное ихъ уподобленіе преобладающей въ государствѣ національности должно совершаться не искусственно и насильственно, а ходомъ самой жизни и рядомъ мудрыхъ, съ нею согласованныхъ мѣръ.

Ни одно государство, какъ бы оно ни было могущественно, велико и богато, съ точки зрѣнія международной не вправѣ изолировать себя отъ всѣхъ остальныхъ, закрывать свою территорію для иностранныхъ лицъ и товаровъ. Это было бы тяжкимъ преступленіемъ противъ собственной его человѣческой природы. Да это и не совмѣстимо съ его интересами, серьезно понимаемыми. Иностранные рынки и товары, также какъ и чужіе капиталы и руки, рѣшительно необходимы для каждой страны, но, конечно, не въ одинаковой степени. Въ нихъ лежитъ стимулъ и образецъ для національнаго производства. И чѣмъ послѣднее богаче и совершеннѣе, тѣмъ оно болѣе нуждается въ рынкахъ, а таковыхъ не находитъ у себя достаточно дома. Словомъ, національныя хозяйства въ нашъ вѣкъ крупнаго производства и быстрыхъ сообщеній требуютъ непремѣнно

для себя расширенія и дополненія въ идеѣ хозяйства мірового. Они черезъ это не утратятъ свой индивидуальный характеръ, но получатъ возможность бороться успѣшнѣе съ такими бѣдствіями, какъ перепроизводство, неурожаи, забастовки рабочихъ и т. д.

Взаимными уступками и соглашеніями на дѣлѣ доказавъ свое миролюбіе и тѣмъ замѣнивъ, въ своихъ сношеніяхъ, недовѣріе и вражду довѣріемъ, великія державы получатъ возможность приступить, наконецъ, къ устраненію главнѣйшей помѣхи къ миру въ наши дни—къ уменьшенію ихъ чудовищныхъ вооруженій. При теперешнихъ условіяхъ и предоставленная каждая изъ нихъ собственнымъ силамъ, ни одна изъ великихъ державъ этой реформы провести не въ состояніи. Довольно вооружиться одной, чтобы всѣхъ поднять на ноги. Никто не хочетъ уступить сосѣду въ этой безумной гоньбѣ за послѣдними усовершенствованіями военной техники; всѣ оправдываются только угрожающими вооруженіями сосѣдей и завѣряютъ объ искренности собственнаго ихъ миролюбія, и, все-таки, въ результатѣ получается страшное накопленіе общаго раздраженія, недовѣрія, благодаря которымъ достаточно нѣсколькихъ искръ, чтобы взорвать на воздухъ и потрясти въ основаніи все великое зданіе современнаго цивилизованнаго общества. Всякому, безпристрастно изучающему это прискорбное явленіе, дѣлаются ясными двѣ истины: эти громадныя вооруженія современныхъ государствъ совершенно не требуются условіями ихъ внутренней безопасности и, во-вторыхъ, они являются результатомъ лишь ненормальности ихъ внѣшнихъ отношеній. Разъ послѣднія получатъ, въ силу принциповъ

международнаго права, характеръ бо́льшей прочности и устойчивости, разоруженіе представится само собой для правительствъ, какъ мѣра разумная и неотложная. Но провести ее въ жизни имъ удастся не иначе, какъ сообща: имъ придется сговориться и насчетъ принциповъ, которые должны быть положены въ ея основаніе, и относительно способовъ проведенія ея на практикѣ. Тутъ, прежде всего, требуются одновременность и постепенность дѣйствій, направленныхъ не къ лишенію государствъ потребной для нихъ военной мощи, а къ облегченію ихъ отъ бремени милитаризма, угрожающаго имъ ничѣмъ инымъ, какъ задушеніемъ.

VI.

Мы старались въ бѣгломъ очеркѣ указать на два пути, которые открываются передъ народами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, и въ наши дни: путь войны, насилій и беззаконій всякаго рода—путь старый, на который ихъ толкаютъ страсти и предубѣжденія,—и путь мира, это путь новый, тотъ, на который все категоричнѣе указываютъ человѣчеству требованія разума и общественной справедливости.

Нечего и говорить, что мы вѣримъ въ торжество послѣдняго пути надъ первымъ. Но весьма возможно, что бѣдному человѣчеству нужны еще бѣдствія и потрясенія не одной войны, чтобы придти, наконецъ, къ убѣжденію, что въ мечѣ нѣтъ спасенія. Не мечомъ устранятся и разрѣшатся удручающіе насъ общественные недуги, а посредствомъ реформъ, которыя не осуществимы безъ общаго и прочнаго мира.

Вотъ почему, вопреки всѣмъ тревожнымъ симптомамъ нашего времени, идея мира получаетъ въ со-

знаніи народовъ все большую реальность и конкретность. Вмѣсто туманнаго и призрачнаго представленія о какомъ-то вѣчномъ мирѣ, люди обратились къ болѣе скромной и плодотворной задачѣ—къ изученію способовъ укрѣпленія настоящаго мира между всѣми цивилизованными и христіанскими народами. На этомъ поприщѣ главными условіями успѣха являются: воздѣйствіе на воспитаніе подростающаго поколѣнія, чему содѣйствовать болѣе всѣхъ призваны церковь и школа; распространеніе здравыхъ идей о мирѣ во всѣхъ слояхъ общества, путемъ печати и устнаго ученія, для того, чтобы общественное мнѣніе могло дружнѣе и рѣшительнѣе въ этомъ направленіи дѣйствовать на правительства; развитіе практики третейскихъ судовъ въ спорахъ между государствами и т. д.

Многочисленныя общества мира покрываютъ своею сѣтью почти всѣ страны Европы и Америки. Понимая свое безсиліе въ разрозненности, они стали теперь дѣлать шаги къ объединенію своихъ усилій на пользу мира. Особенно любопытное явленіе въ этомъ отношеніи представляютъ международныя парламентскія конференціи. Онѣ возникли въ 1888 г., по почину членовъ англійскаго парламента и французской палаты. Мысль ихъ—ежегодно созывать въ одномъ изъ столичныхъ городовъ представителей всѣхъ законодательныхъ собраній на конференціи съ цѣлью обсуждать мѣры, способствующія на практикѣ къ пропагандѣ и укрѣпленію идеи мира. Такія конференціи уже были: въ Парижѣ (1889 г.), Лондонѣ (1890 г.) и Римѣ (1891 г.). Нельзя не пожелать имъ полнаго успѣха, ибо онѣ могутъ оказать въ бу-

дущемъ великую услугу дѣлу мира, если будутъ вести его умѣло.

Еще важнѣе признаніе самими государствами для себя обязательнымъ обращеніе къ третейскому суду для рѣшенія возникающихъ между ними споровъ. Въ Европѣ этотъ принципъ еще только начинаетъ прокладывать себѣ дорогу, но въ Новомъ Свѣтѣ онъ провозглашенъ на вашингтонскомъ конгрессѣ, на которомъ засѣдали делегаты пятнадцати американскихъ республикъ (со 2-го октября 1889 г. по 19 апрѣля 1890 г.), за принципъ публичнаго права Америки. Выработанъ, согласно съ этимъ, договоръ, въ силу котораго правительства обѣщаютъ обращаться къ третейскому суду по всѣмъ спорамъ, кромѣ такихъ, которые, по мнѣнію одного изъ нихъ, будутъ прямо угрожать независимости государства. Въ этомъ случаѣ судебное разбирательство зависитъ отъ усмотрѣнія послѣднаго, но оно обязательно для его противника. Трактатъ, въ видѣ опыта, заключается на 20-лѣтній срокъ и, по мысли его составителей, долженъ рѣшать не только споры между американскими республиками, но и несогласія послѣднихъ съ государствами Европы, если эти того пожелаютъ. На этомъ конгрессѣ было, между прочимъ, заявлено, что пора цивилизованнымъ государствамъ отказаться отъ пресловутаго права завоеванія и признать, наконецъ, въ войнѣ самый жестокій, невѣрный и опасный способъ рѣшенія споровъ между народами. Современный уровень ихъ политическаго развитія дѣлаетъ возможнымъ введеніе третейскихъ судовъ взамѣнъ кровавой международной саморасправы.

Весьма характерны эти заявленія въ устахъ американскихъ делегатовъ, людей практики, а не теоріи. Въ видахъ большей успѣшности защищаемой ими идеи, они въ Вашингтонѣ не удовольствовались лишь однимъ ея теоретическимъ провозглашеніемъ, но выработали цѣлый проектъ объ устройствѣ такихъ международныхъ третейскихъ судовъ, долженствующій превратить ихъ во вполнѣ правильный и организованный способъ окончанія несогласій между государствами.

Впрочемъ, и въ Европѣ нѣкоторые передовые умы идутъ, и основательно, еще далѣе. Извѣстный неаполитанскій профессоръ Фіоре, въ недавно вышедшемъ сочиненіи о *кодификаціи и санкціи международнаго права*, проводитъ мысль о необходимости для государствъ придать международнымъ нормамъ форму и авторитетъ положительнаго закона и поставить его подъ свою общую, коллективную гарантію. Для этого, далѣе, нужно ввести обязательные для нихъ, въ извѣстной послѣдовательности, мирные, не только дипломатическіе, но и юридическіе способы окончанія ихъ споровъ, установить съ общаго согласія извѣстные предѣлы для ихъ вооруженій и впредь прибѣгать къ войнѣ не иначе, какъ съ согласія признанныхъ ими международныхъ органовъ.

Пока мы, къ сожалѣнію, далеки отъ такой организаціи, но она, безспорно, болѣе всего способна положить въ будущемъ конецъ господствующей доселѣ международной неустойчивости и анархіи.

Не по національному самообольщенію, но по внутреннему убѣжденію мы должны сказать, что между народами Европы русскій принадлежитъ къ наиболѣе ми-

ролюбивымъ. Таковъ онъ по своей религіозности и по своей натурѣ, добродушной и незлопамятной*); если впродолженіе своей тысячелѣтней исторіи русскому народу пришлось такъ много воевать, то причины этого скрывались въ обстоятельствахъ, которыя не отъ него зависѣли: необъятная равнинность нашей родины, отсутствіе опредѣленныхъ естественныхъ границъ, продолжительное внутреннее неустройство, борьба съ хищниками Азіи, отъ которыхъ Россія оградила Европу,—таковы главныя обстоятельства, которыя, помимо войнъ, вызванныхъ личными свойствами нѣкоторыхъ ея правителей, заставили нашихъ предковъ почти не выпускать изъ рукъ оружія. Теперь все это глубоко измѣнилось: Россія завершила, можно думать, свой внѣшній ростъ; она, по обширности своей, необъятна, но еще болѣе велики и сложны ожидающія ее задачи по внутреннему устройству. Для удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія ей нужны не новыя войны и завоеванія, а миръ прочный и долгій.

БИБЛІОТЕКА

*) Извѣстный знатокъ нашего отечественнаго права, проф. Загоскинъ, въ своей рѣчи: *Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи*, произнесенной на актѣ Казанскаго университета 5-го ноября 1891 года, замѣчаетъ: „Смертная казнь чужда міровоззрѣнію русскаго народа; она явилась на Руси наказаніемъ заноснымъ, привитымъ извнѣ и вынуждена была вести долгую борьбу съ основами русскаго правоваго міросозерцанія“. Это вполнѣ вѣрно; но какъ-же тогда война не должна претить русской народной душѣ, пока ее не омрачаютъ страсти и предубѣжденія? Вотъ почему наши искусства опередили нашу науку въ горячемъ протестѣ противъ войны, но и наука отъ этого движенія отстать не можетъ

Русская Библіотека

Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго, Одесса.

Русская Библіотека даетъ въ отдѣльномъ изданіи:

1) Статьи изъ общихъ журналовъ, имѣющія продолжительный интересъ.
2) Общедоступныя статьи изъ спеціальныхъ журналовъ.
3) Общедоступные отдѣлы, введенія, главы и т. п. изъ обширныхъ спеціальныхъ сочиненій.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

№ 1. **Изъ психологіи народовъ.** — Проф. Н. Н. Ястребова. Цѣна 20 коп.
№ 2. **Поэзія міровой скорби.**—Проф. Н. И. Стороженко. Ц. 15 к.
№ 3. **Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи.**—Проф. Н. Карѣева. Цѣна 20 к.
№ 4. **Гр. Л. Камаровскій.**—Война или миръ?—Цѣна 15 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 5. **В. Чижъ.**—Криминальная антропологія.
№ 6. **С. Южаковъ.**—Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина.
№ 7. **Проф. И. К. Янжулъ.**—Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

«Международная Библіотека», Одесса, Гаванная, № 10.